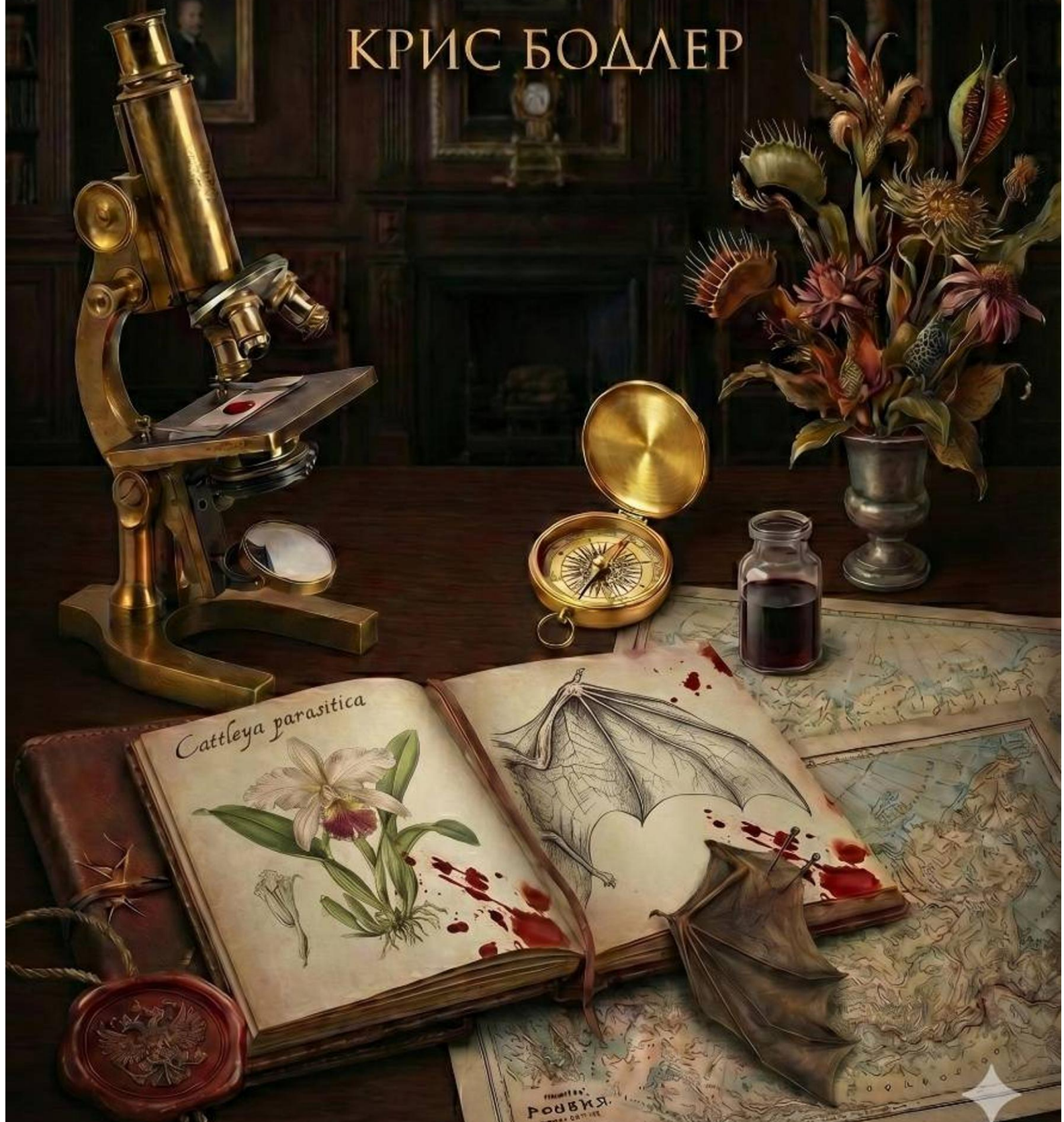

Прекрасные паразиты

КРИС БОДЛЕР

Крис Бодлер

Прекрасные Паразиты

«Автор»

2026

Бодлер К.

Прекрасные Паразиты / К. Бодлер — «Автор», 2026

За маской холодного доцента ботаники Катарины Ланж скрывается Эмилия де Виллер — бессмертный симбиот, пережившая роковую экспедицию 1913 года. Её уединенная жизнь в современном Петербурге рушится, когда город захлестывает череда жутких убийств. Возле каждого обескровленного тела находят редкий цветок-паразит. На след исчезнувшего студента выходит Николай Фёдоров — частный детектив и бывший офицер ГРУ. Его профессиональный цинизм разбивается о пугающую мистическую реальность. То, что начинается как напряженная интеллектуальная дуэль между сыщиком и главной подозреваемой, перерастает в смертельно опасный альянс. Им предстоит бросить вызов армии бессмертных в декорациях старинных петербургских особняков. Но главная битва развернется в их душах: сможет ли хладнокровный детектив доверить свою жизнь монстру, и какую цену готова заплатить Эмилия ради спасения единственного смертного, растопившего её ледяное сердце?

© Бодлер К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Катарина. Сто лет тому назад	6
Глава 2. Катарина. Дыхание ночи	13
Глав	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Прекрасные Паразиты

Глава

Прекрасные паразиты

Глава 1. Катарина. Сто лет тому назад

Я шла по аллеям парка Первого медицинского университета. Под ногами хрустел влажный гравий, и каждый шаг отзывался гулким эхом в моей памяти. Вокруг возвышались старинные корпуса из красного кирпича — мрачные, величественные, похожие на замки. В воздухе витал сложный букет запахов: мокрая листва, пыль вековой кладки и едва уловимый, острый аромат эфира и формалина — запах, который, кажется, вьелся в стены этих зданий навечно, пережив войны, революцию и блокаду.

Те, с кем я когда-то работала здесь, в Женском медицинском институте — так он назывался при Государе, — те, кого я учила... Их всех уже давно нет. Они превратились в чернозем, в историю, в архивную пыль. А я иду здесь. Снова.

О, время... Как же ты удивительно, жестоко и быстро для всех... кроме меня.

Я остановилась перед массивной дверью корпуса кафедры биологии. В ладони лежал тяжелый ключ с биркой «№ 7». Уголки губ дрогнули в горькой усмешке. Судьба обладает специфическим чувством юмора: мне выделили ту же самую аудиторию, в которой я читала лекции в 1915 году, когда Империя еще стояла, а мир казался незыблемым.

Как же всё изменилось.

Я вошла внутрь. Студенты отдыхали после пар в широком холле. Раньше здесь стояли жесткие деревянные скамьи, и курсистки в строгих темных платьях с белыми воротничками шепотом обсуждали новости с фронта Первой мировой. Теперь здесь расположились мягкие пуфы, а пространство заполнял гул от кофейного автомата, мигающего разноцветными диодами.

Никто не спорил, не читал вслух конспекты. Почти все сидели, уткнувшись в светящиеся прямоугольники телефонов. Лица студентов были освещены холодным голубоватым светом экранов. Я прошла сквозь толпу, словно призрак. На меня никто не обратил внимания. Для них я была лишь очередной «новой преподавательницей» в строгом костюме.

Мой взгляд скользнул по стене и вдруг зацепился за что-то знакомое. Я замерла.

На большом стенде под заголовком **«История нашего Университета: Лица науки»** висел ряд портретов. И там, в самом центре, с зернистой черно-белой фотографии на меня смотрела...я.

Чёрно-белый был сделан в 1915 году. Высокий воротник, сложная прическа того времени, чуть надменный взгляд и брошь в виде переплетенных стеблей на лацкане. Подпись внизу гласила:

«Эмилия де Виллер. Одна из первых женщин-преподавателей Женского медицинского института, внесшая неоценимый вклад в изучение лекарственных растений».

По спине пробежал ледяной холодок, заставив меня инстинктивно выпрямиться. Я медленно перевела взгляд с фото на свое отражение в темном стекле витрины. Те же скулы, вздернутый нос. Те же зеленые глаза. Правда сейчас волосы я редко укладываю в сложную прическу. Зачастую они струятся рыжими волнами до талии.

Сердце, которое, вопреки всему, все еще билось в моей груди, пропустило удар. Неужели никто не замечает? Я оглянулась на студентов. Они все так же сидели, поглощенные гаджетами. Никто не поднял головы, чтобы сравнить «молодого» доцента Ланж с портретом вековой давности.

— Сходство поразительное, не правда ли? — раздался вдруг голос у меня за спиной.

Я вздрогнула, но многолетняя привычка контролировать каждый мускул лица спасла меня. Медленно обернувшись, я увидела невысокого мужчину лет пятидесяти в помятом пиджаке. Он поправил очки и дружелюбно, но внимательно смотрел то на меня, то на портрет.

— Простите, я вас напугал? — он улыбнулся, протягивая руку. — Арсеньев, заведующий кафедрой. Мы с вами переписывались.

— Катарина Владленовна Ланж, — я пожалала его ладонь. Кожа у него была теплой и сухой, как пергамент. — И да, вы правы. Это моя прапрабабушка, Эмилия. Семейная легенда, если можно так выразиться.

— Потрясающе, — Арсеньев покачал головой. — Генетика — упрямая вещь. Надеюсь, талант к науке вам тоже передался? Эмилия де Виллер была выдающимся ученым, хоть и исчезла бесследно в вихре революции.

— О да, — я позволила себе легкую, чуть холодную улыбку. — Я намерена продолжить её дело.

— Прекрасно! Ваша седьмая аудитория открыта. Студенты третьего курса уже ждут. Удачи, коллега.

Он кивнул и заспешил дальше. Я выдохнула. Первый экзамен сдан. Меня приняли за мою собственную правнучку.

Я толкнула тяжелую дубовую дверь аудитории. Амфитеатр был полон. Гул голосов мгновенно стих. Десятки пар глаз уставились на меня. Я положила папку на стол, обвела взглядом зал и взяла кусок мела.

На доске, резким, каллиграфическим почерком, я вывела тему: **«РАСТИТЕЛЬНЫЕ ПАРАЗИТЫ И САПРОФИТЫ: ГРАНЬ МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ»**.

Я повернулась к залу.

— Добрый день. Меня зовут Катарина Владленовна Ланж, — мой голос звучал твердо, отражаясь от высоких сводов потолка. — Забудьте на время о ромашке и подорожнике. Сегодня мы поговорим о тех, кто выживает за счет других. О тех, кого принято считать вредителями, но кто на самом деле является вершиной эволюции.

Я вставила флеш-карту в ноутбук на кафедре и открыла файл с презентацией. Современные технологии оставались для меня непростым испытанием, но я старалась идти в ногу со временем, как бы быстро оно ни бежало.

Я нажала кнопку на пульте. С потолка с тихим жужжанием выехало белое полотно экрана, проектор мигнул, и над моей головой высветилось изображение. Бледный, восковой стебель, пробивающийся сквозь гнилую листву.

— *Monotropia hypopitys*, — произнесла я. — Подъельник обыкновенный. У него нет хлорофилла. Он бледен, как мертвец, и холоден на ощупь. Он не производит энергию сам. Он берет её у грибницы, которая связана с корнями деревьев. Он — совершенный вор. Прекрасный паразит. Он живет в вечной тени, но при этом... он цветет.

Я сделала паузу, глядя прямо в глаза молодому человеку на первом ряду. Он был одет в черный кашемировый джемпер, сидел вальяжно и смотрел на меня с нескрываемым интересом.

— Скажите, — я чуть понизила голос, — можно ли осуждать существо за то, каким его создала природа? Если его единственный способ выжить — это отнять жизнь у другого?

Тот самый студент — красивый brunet с самоуверенным взглядом — поднял руку.

— А разве это не делает его просто... болезнью? — спросил он с вызовом. — Паразит убивает хозяина. Это тупик.

Я улыбнулась уголками губ.

— Как ваша фамилия?

— Волков. Максим Волков.

— Вы ошибаетесь, Максим. Умный паразит никогда не убивает хозяина сразу. Он заботится о нем. Он продлевает ему жизнь, чтобы продлить её себе. Это не убийство. Это... принудительный симбиоз.

Максим хмыкнул, не зная, что ответить, но взгляда не отвел. В его глазах читался азарт охотника, который внезапно встретил достойную дичь. Он вальяжно откинулся на спинку стула и, поигрывая дорогой ручкой, продолжил:

— «Принудительный симбиоз»? Звучит как оправдание для рабовладельца, профессор. Разве дерево давало согласие на то, чтобы его доили, как корову?

По аудитории прокатился шепоток. Студенты замерли. Никто обычно не разговаривал с преподавателями в таком тоне.

Я спокойно выдержала его взгляд.

— В природе нет понятия «согласие». Есть понятие «эффективность». Дерево получает воду и минералы, которые гриб добывает лучше него. А паразит... скажем так, берет комиссию за посредничество.

— Комиссию? — Максим усмехнулся, явно наслаждаясь игрой. — То есть вы утверждаете, что быть паразитом — это почетно? Что жить за чужой счет — это вершина эволюции? По-моему, это удел слабых. Тех, кто не может создать ничего своего.

Он обвел аудиторию насмешливым взглядом, ища поддержки, а потом снова уставился на меня.

— Разве сильный организм станет прятаться в тени и воровать соки? Сильный растет на свету.

Удар был неплох. Для двадцатилетнего мальчика. Но он не знал, с кем говорит.

— Вы мыслите категориями человеческой морали, — мягко, как ребенку, ответила я, спускаясь с кафедры и делая несколько шагов к первому ряду. Стук моих каблучков звучал в тишине как удары метронома. — «Слабый», «сильный», «воровство»... Биология цинична.

Я остановилась прямо напротив его стола.

— Вы говорите, паразит слаб? Ошибаетесь. Чтобы взломать защиту чужого организма, обойти иммунную систему, заставить хозяина работать на себя и при этом не убить его — нужен интеллект. Генетический интеллект. Дуб просто стоит и фотосинтезирует. Это грубая сила. А *Monotropa*... она ведет сложную дипломатическую игру.

Я чуть наклонилась к нему, понизив голос так, чтобы слышали только первые ряды:

— И поверьте мне: выживает не тот, кто стоит на свету и гордо подставляет грудь ветрам. Выживает тот, кто умеет адаптироваться к темноте.

Максим перестал крутить ручку. Его улыбка стала тоньше, острее.

— А вы, Катарина Владленовна? — он выделил мое имя интонацией, балансирующей на грани фола. — Вы на чьей стороне? Гордого дуба или хитрого паразита?

Вопрос повис в воздухе. Это был уже не научный спор. Это была личная проверка границ.

Я выпрямилась и вернулась к кафедре, чувствуя на спине его прожигающий взгляд.

— Я на стороне науки, Максим. А наука не выбирает стороны. Она изучает факты.

Я отвернулась от него и щелкнула пультом.

— Но давайте уйдем от философии к биохимии. Иначе на экзамене ваш «гордый дуб» знаний рухнет под натиском моих вопросов.

Я отвернулась от него и вернулась к теме. Лекция потекла своим чередом. Следующие сорок минут мы разбирали морфологию сапрофитов. Я говорила, и мой голос, спокойный и монотонный, заполнял аудиторию, погружая студентов в транс. Я чертила на доске формулы, объясняла сложные цепочки обмена веществ, рассказывала о том, как именно корни *Monotropa* оплетают гифы грибов.

Аудитория притихла. Слышен был только скрип ручек и стук пальцев по клавиатурам ноутбуков. Время от времени я задавала вопросы, заставляя их думать, просыпаться.

— Кто скажет мне, почему это растение вообще выживает без хлорофилла? Как оно находит питание в полной темноте?

Руку подняла бледная девушка в очках на втором ряду.

— Она образует микоризу, — неуверенно начала студентка. — То есть, срастается с грибами. Грибы расщепляют органику почвы, передают питательные вещества деревьям, а подъяльник... он перехватывает этот поток.

— Верно. Как вас зовут?

— Лена. Соколова.

— Совершенно верно, Лена. Подъяльник — это, если хотите, «хакер» растительного мира. Он подключается к сети леса и качает ресурсы.

По аудитории пробежал легкий смешок. Сравнение оживило задремавшие было ряды.

— А практическая польза? — выкрикнул кто-то с задних рядов. — Или мы изучаем его только как пример «халявщика»?

Я чуть прищурилась, находя взглядом говорившего — рыжего парня с веселым лицом.

— В фармакогнозии нет понятия «просто пример», молодой человек. В сушеном виде эта трава веками использовалась в народной медицине. Гликозиды, салициловая кислота... — Я начала перечислять химический состав, наслаждаясь звучанием латыни. — Отвары применяли как седативное средство. При судорогах, при кашле. И, что иронично, при сильном испуге.

— А сегодня его всё ещё используют в медицинских целях? — с интересом спросила девушка с каштановыми волосами, сидевшая рядом с рыжим парнем. — Или теперь он только история?

— Яды не стареют. Салициловая кислота, которую выделяет это растение, работает так же, как и двести лет назад. Природа не меняет своих рецептов.

Время летело незаметно. Я чувствовала, как захватываю их внимание. Даже те, кто в начале пары сидел в телефонах, теперь слушали. Я рассказывала истории из практики старых земских врачей — конечно, умалчивая, что видела этих врачей лично.

Я взглянула на часы. Пара подходила к концу. За окнами уже начали сгущаться ранние петербургские сумерки, и аудитория погрузилась в серую полумглу, разгоняемую лишь светом проектора.

— Парадокс, не правда ли? — я облокотилась о кафедру, подводя итог. — Растение, которое выглядит как мертвец и живет воровством, способно успокоить человеческую боль. Природа не делит свои творения на «добрых» и «злых». Она делит их на тех, кто выжил, и тех, кто стал перегибом.

Я увидела, как Максим Волков снова подался вперед, явно собираясь что-то сказать, но звонок, резкий и громкий, разрезал тишину.

— На сегодня всё, — объявила я, перекрывая шум отодвигаемых стульев. — К следующему занятию подготовьте эссе на тему «Токсичные алкалоиды». И помните: то, что не убивает нас сразу, часто просто ждет подходящего момента.

***

Когда последний студент покинул аудиторию, я подошла к высокому арочному окну и позволила прохладе стекла коснуться лба.

На Петроградскую сторону опускался вечер — тот самый, бархатистый и позолоченный, в котором город, будто уставший от дневной суеты, надевал свой самый величественный наряд. Небо, бледно-сиреневое на востоке, плавилось в расплавленном золоте на западе, где редкие, распущенные облака купались в последних потоках света.

Внизу, в чаше университетского двора, старинные корпуса из красного кирпича преобразились. Лучи заката ложились на их шершавые бока, и каждый выщербленный камень, каждая тень под карнизом обретала объем и тайну. Они были не просто зданиями — это были молчаливые стражи, застывшие в благородной дремоте. Здесь, среди этих архитектурных снов, время не бежало — оно струилось, густея, как мёд.

За ажурной оградой парка, на улице Льва Толстого, городская жизнь текла своей медленной, огненной рекой. Вереницы машин превращались в цепочки движущихся отсветов, их

стоп-сигналы миг-за-мигом вспыхивали алыми искрами в золочёной дымке. Фонари ещё дремали в своих чугунных кружевах, но их стеклянные сердца уже начинали ловить и копить отсветы угасающего дня, готовясь сменить солнце в его ночном дежурстве.

Этот город... Он был мастером перевоплощений. Менял имена, как перчатки — Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград, — но его душа, холодная, гордая и невероятно прекрасная, оставалась неизменной. Сейчас он был Империей из огня и янтаря. Гранитные набережные, обычно серые и строгие, отливали тёплым розоватым мрамором. Даже мрачные колодцы дворов ловили по кромке крыш последние лучи. А шпили — эти вечные иглы, пронзающие небо, — горели, будто их выковали из самого солнца.

Я наблюдала, как золотая и багряная листва старых клёнов, трепеща на ветру, касалась стекла лёгким, шелковистым шорохом. Не навязчивым стуком, а скорее почтительным прикосновением — будто просила разрешения войти в мой вечный, одинокий мир.

Преподавание дарило мне странное, двойственное утешение. В этой жадной, пытливой жажде знаний, что когда-то жгла и меня саму, заставляя тайком проводить ночи в отцовской библиотеке при свечах, я находила отголосок собственного бесконечного пути. Мне нравилось приоткрывать этим молодым, гибким умам сложную, безупречную механику жизни. Водить их мысленным взором по тайным путям, что пульсируют в каждой прожилке листа, в каждой полупроницаемой мембране. И видеть — увы, не во всех, — как в глубине чьего-то взгляда вспыхивает та самая, драгоценная искра. Немое «эврика». Миг подлинного понимания. И в этот миг мне казалось, что стоит оно всех долгих, одиноких лет, прожитых в ожидании.

Я достала из сумочки смартфон. Холодный, идеально гладкий кусок стекла и металла до сих пор казался мне чужеродным артефактом. Мои пальцы, в детстве привыкшие к тяжести серебряного пера и шероховатости плотной бумаги верже, всё ещё иногда замирали над экраном, словно боясь обжечься о мертвый свет пикселей. Я почти научилась пользоваться мессенджерами, навигаторами и базами данных — идеальная мимикрия требовала жертв, — но никогда не могла избавиться от ощущения, что эти устройства крадут у людей не только время, но и способность осязать мир. Экран мигнул, высветив скудные цифровые часы. Время позднее, пора идти домой.

Мне захотелось немного пройтись.

Путь мой лежал на Каменноостровский проспект, к громаде Дома Трёх Бенуа. Этот архитектурный колосс, занимавший целый квартал, строился как раз накануне Первой мировой войны — в ту самую эпоху, когда я готовилась к экспедиции в Мексику, ещё будучи человеком. В его массивном рустованном цоколе и строгих линиях навсегда застыл дух ушедшей Империи, которую я так любила и которую потеряла.

Я нырнула под высокие своды парадной арки, и гул улицы мгновенно стих. Этот дом был моим идеальным убежищем, настоящим городом в городе. Я привычно углубилась в мистический лабиринт проходных дворов. Здесь огромные парадные курдонеры сменялись узкими, глухими колодцами, куда почти не проникал свет фонарей. Потрясающий контраст: респектабельная жизнь напоказ и мрачная, скрытая изнанка.

Моя квартира находилась в одной из самых тихих парадных. Окна выходили в глухой двор, где никогда не бывало лишних глаз. А в конце длинного коридора пряталась неприметная дверь черного хода, ведущая на темную, узкую лестницу — мой личный, безопасный путь в ночной город, когда Голод становился слишком невыносимым.

Дома царили тишина и уютное, накопленное стенами тепло. На кухне я открыла холодильник: скудный набор продуктов и несколько медицинских контейнеров с субстанцией густого, тёмно-бордового оттенка. Доступ к донорской крови — привилегия, дарованная мне Внушением. Это был мой компромисс, моя изощрённая сделка с собственной природой, позволяющая сохранять иллюзию выбора. Остаться не тварью, а «паразитом с претензией» — существом, балансирующим на лезвии между человеком и тем, что прячется в тени.

Я перелила густую, тёмно-рубиновую жидкость в хрустальный бокал, будто готовясь к дегустации дорогого бургундского. Ритуал придавал действию видимость цивилизованности, отдаляя животную суть процесса. Первый глоток. Вечный, внутренний холод, мой верный и неизменный спутник, отступил, отполз на время в уголки сознания. По сосудам, похожим на высохшие русла забытых рек, разлилось обманчивое, украденное тепло — слабая тень жизни, мне не принадлежащей.

Паразит. Слово обрело во рту вкус этого «напитка» — горьковатый, с медным привкусом, безжалостный в своей откровенности. Именно так я и определяла своё существование. Мне требовалось потреблять самую суть живого, чтобы просто *быть*. Подобно *Monotropa hypopitys*, тому самому поддельнику с моих лекций: изящному, бледному, лишённому хлорофилла созданию, что не творит, а лишь мастерски перераспределяет, вплетаясь в чужие, полнокровные сети. Утончённый вор. Безупречный паразит.

Ирония заключалась в том, что, обучая других видеть в этом биологическую целесообразность, я сама не могла избавиться от острого, гнетущего чувства ущербности. Я восхищалась совершенством механизма выживания, но презирала его в себе. Быть вечным учеником у самого процесса жизни, но никогда — его полноправным творцом. Вечно брать, давая лишь свою отстранённую, холодную наблюдательность взамен.

Я подняла бокал к свету, струившемуся из окна. Жидкость почти не пропускала его, лишь по самому краю тлел тёмно-гранатовый отсвет. В этом бокале не было солнца, которым были напоены вина моей настоящей юности. Здесь была лишь тихая, сгущённая тьма — и моё собственное отражение в полированной поверхности хрусталя: бледное лицо, вззирающее на себя глазами, в которых замер вечный, безответный вопрос.

Я посмотрела на свою левую руку. Старинное золотое кольцо с глубоким изумрудом тускло блеснуло. Виктор подарил мне его перед нашей свадьбой, задолго до того рокового путешествия в Мексику.

— Я вернулась, Виктор, — прошептала я в пустоту. — Я снова здесь в нашем городе.

Взгляд скользнул к секретеру, где стояла старая фотография в рамке. Единственная вещь, которую я берегла больше жизни.

На снимке была моя семья. Отец — уже седой, мама, и двое детей у их ног: мой младший брат Николая и крошка Мари. Они родились поздно, когда я уже считалась «старой девой» XX века.

Память услужливо подбросила картины прошлого. Не уютный Петербург моей юности, а серый, злой Петроград 1917 года. Выстрелы, пьяные матросы, хаос. Толпа, готовая растерзать любого «буржуя».

Тогда мой Дар впервые спас нас. Я помню тот патруль на вокзале: красные повязки, винтовки, полные ненависти глаза. Обычная девушка погибла бы там, растерзанная толпой. Но я посмотрела в глаза командиру. Я призвала *морок* — один из тех темных даров, что получила в роковой день в пещере. Я внушила им, что мы — лишь скользящие тени. Что нас здесь нет. И они опустили оружие, пропустив нас, словно смотрели сквозь пустоту.

Франция стала нашим спасением. В Париже, слегка подправив документы — моя внешность позволяла мне вечно выглядеть на двадцать пять — я поступила в Сорбонну. Я получила диплом, стала профессором. Мне приходилось работать день и ночь, чтобы Николая и Мари ни в чем не нуждались.

Мне довелось быть рядом до самого конца: наблюдать, как они взрослеют, создают семьи, неумолимо стареют. Ладони хранили тепло их рук в те минуты, когда жизнь окончательно покидала тела. Смерть в своих постелях, в окружении детей и внуков, стала для них заслуженным финалом счастливого пути. Для всех, кроме одной оставшейся.

Палец скользнул по стеклу фотографии, очерчивая контур лица маленькой Мари.

— Я скучаю... — едва слышный шепот растворился в пустой комнате.

Ладонь накрыла снимок, гася свет ушедших лет. Внезапно сквозь тишину просочился едва уловимый звук. Знакомая мелодия. Тот самый старинный вальс, что пела шарманка на Невском в день помолвки с Виктором. Обрывки мотива, перемешанные с шумом ветра, доносились откуда-то с улицы. Сердце — вечный предатель — пропустило удар. Невозможно. Просто совпадение или игра воображения, измотанного нахлынувшими воспоминаниями.

Свет погас. В наступившей темноте одинокая фигура замерла у окна. Неужели в родном городе призраки прошлого так и будут следовать по пятам?

Тишина квартиры была мне ответом. Я допила свой ужин и подошла к столу, где лежала рукопись. Впереди была вечность. Но теперь я знала: пока они в моей памяти, пока я храню их историю — я остаюсь человеком.

Глава 2. Катарина. Дыхание ночи

Сны мне снились редко. Обычно мой отдых был похож на погружение в темную, вязкую воду: ни образов, ни звуков, ни времени. Но в этот ноябрь, когда петербургские ночи стали длиннее дней, а голод становился настойчивее, вода отступила.

Я снова была там.

Мексика. 1912 год. Ночь перед походом в пещеры. Мы лежали в тесной походной палатке, и душный, влажный воздух джунглей лип к коже, смешиваясь с запахом нашего желания. Снаружи, за тонким брезентом, оглушительно трещали цикады, кричали ночные птицы, но этот шум тонул в стуке моей собственной крови.

Я чувствовала тяжесть и жар тела Виктора, ощущала каждую мышцу под тонкой тканью его одежды. Его рубашка была расстегнута до пояса, влажная от пота, и я жадно касалась пальцами его груди.

— Ты моя... — выдохнул он мне в губы, и этот шепот был громче крика. — Ты моя богиня, Эмилия.

Его руки, огрубевшие от работы с мачете, сейчас были требовательными и властными. Они скользили по моему телу, срывая остатки благоразумия. Я выгибалась навстречу каждому его прикосновению, забывая стыд, забывая строгое воспитание дочери профессора. Здесь, на краю света, я была не леди. Я была женщиной, которая любит и хочет своего мужчину.

В тусклом свете масляной лампы я видела, как капля пота стекает по его виску. Виктор был дьявольски хорош собой — той острой, нервной красотой гения, которая притягивает женщин словно магнит. Густые, непокорные волосы цвета воронова крыла падали на высокий, упрямый лоб. У него был чеканный, аристократический профиль с хищной линией скул и твердым подбородком человека, не привыкшего слышать слово «нет». Но главным его оружием всегда оставались глаза. Пронзительные, льдисто-серые, как зимнее петербургское небо. В них всегда горел лихорадочный, ненасытный огонь амбиций и страсти. Когда он смотрел на меня этими глазами, я забывала обо всем на свете.

На его шее, в такт бешеному ритму наших сердец, подпрыгивал серебряный медальон на длинной цепочке. Холодный металл касался моей разгоряченной кожи, обжигая, когда он наклонялся ниже.

— Мы перевернем этот мир, слышишь? — шептал он, покрывая поцелуями мою шею. — Вечность будет нашей, Эмилия.

Я запустила пальцы в его густые волосы, притягивая его лицо к себе. Я целовала его так, словно хотела выпить его дыхание. Его вкус — соль, табак и мускус — был самым пьянящим наркотиком. Его страсть всегда граничила с безумием, и я сгорала в этом пламени дотла.

Виктор резко прижался ко мне, заставляя судорожно вздохнуть. Его глаза, потемневшие от вожделения, смотрели прямо в душу. В этот миг он был прекрасен.

Но вдруг тень упала на его лицо. Кожа под моими пальцами стала серой и сухой, как пергамент. Живой огонь в его глазах погас, сменившись мертвым, красным свечением. Губы, которые только что дарили мне жаркие поцелуи, растянулись в неестественно широком, хищном оскале, обнажая острые клыки.

— Вечность... — прошипело существо голосом моего любимого. — Возьми мою кровь...

***

Сознание вонзилось в реальность, словно лезвие. Я застыла сидя, не в силах пошевелиться. Тишина спальни, холодная и абсолютная, обрушилась на меня, сменив оглушительный грохот джунглей. Простыни, шелковистые и безжизненные, были сжаты в моих кулаках. Мое тело все еще горело, помня его прикосновения. Но реальность обрушилась на меня ледяным душем.

Дыхание было прерывистым. Тело предательски реагировало на сон, не понимая, что любовник мертв уже сто лет. А сердце... мое мертвое сердце ныло от невыносимой тоски.

— Виктор... — прошептала я в пустоту, и мой голос сорвался.

Я встала, не зажигая света, и подошла к ростовому зеркалу. В лунном луче на меня смотрела прекрасная молодая женщина. Совершенная. И абсолютно одинокая. Здесь, в Петербурге, держать маску становилось невыносимо трудно. В Париже или Берлине я была чужестранкой, там было проще быть холодной. Но здесь... Каждый камень помнил нас. Этот город был декорацией нашей любви. И теперь он стал моей клеткой.

И тогда, вместе с памятью, проснулся и Голод. Но не тот привычный, управляемый зуд, который можно было усмирить холодным содержимым пластиковых пакетов из холодильника. Это был древний, первобытный ропот в самой структуре крови, требовавший не просто гемоглобина, а живого, пульсирующего человеческого тепла.

Я кожей ощущала эту нехватку: мне не хватало чужого дыхания на щеке, сокрушительного ритма бьющегося сердца под ладонью, той искры, что рождается лишь в соприкосновении двух живых тел. Это была жажда близости, которую я так долго и старательно выжигала в себе, заменяя её научной отстраненностью. Моё тело, застывшее в вечном совершенстве, вдруг запротестовало против ледяного одиночества. Ему требовалась страсть, способная на мгновение разогнать вечный холод в жилах, — всё то подлинное и мимолетное, что наполняло мою жизнь до той роковой экспедиции.

Я стояла перед зеркалом, и моё отражение казалось мне прекрасным, но мертвым экспонатом за витриной. И этот новый Голод нашептывал, что я больше не хочу просто наблюдать за жизнью из тени. Я хочу коснуться её. Даже если это сожжет меня дотла

***

Прошло два месяца. Золотой октябрь уступил место промозглому, серому ноябрю. В университете дни тянулись вязко. Я вросла в этот ритм, стала частью местного механизма. Люди приняли мою игру. Для них я стала «Снежной королевой», «Ледяной леди» — красивой, но абсолютно недосыгаемой. Я игнорировала шумные корпоративы, гасила ледяной вежливостью флирт коллег и дерзость студентов. Я держалась строго, не давая ни малейшего повода для сплетен. Моя тактика сработала: вскоре живое любопытство сменилось спокойным равнодушием. Общество потеряло интерес к «скучной» ученой. И это было прекрасно. Быть на виду, но оставаться невидимкой — главное искусство выживания.

Студенты последние дни были сонными из-за погоды, кроме одного.

Максим Волков начал постепенно меняться постепенно, словно сбрасывал кожу. Первые недели после той лекции он еще пытался играть по своим правилам. Он задавал провокационные вопросы, пытался поймать меня на слове, работая на публику. Ему нужны были смешки однокурсников, подтверждение его статуса лидера.

Но я не реагировала. Я отвечала холодно, точно, с той вежливой отстраненностью, которая бьет по самолюбию сильнее крика.

И тогда он затих. Сначала исчезла его вальяжность. Если раньше он разваливался на стуле, всем видом показывая пренебрежение, то теперь он сидел собранно, ловил каждое мое слово. Он перестал опаздывать. Перестал перемигиваться с хорошенькими студентками, которые вились вокруг него на переменах. Они стали ему неинтересны.

Я замечала, как он наблюдает за мной. Это было не подглядывание, а изучение. Он следил за моими руками, когда я писала формулы на доске. За тем, как я поправляю очки. За тем, как я замираю у окна, глядя на дождь.

Больше не было наглого выражения лица. Он стал вести себя не как капризный мальчишка, пытающийся вывести преподавателя из себя, а как мужчина, который нашел загадку.

В его взгляде появилась тяжелая, взрослая страсть. Он стал ждать меня после пар. Не навязывался, не лез с глупыми разговорами. Просто провожал взглядом до учительской или

до выхода. Но в этом молчании было больше напряжения, чем в любых словах. Он словно говорил: «Я хочу узнать тебя. Настоящую. Я знаю, что под этой броней кто-то есть. И я не отступлю, пока не узнаю её».

Это раздражало. И, признаться, пугало. Однажды я поймала себя на мысли что в нем, в этом самоуверенном парне XXI века, проступали черты Виктора. Та же упрямая складка между бровей. Тот же азарт, огонь в синих глазах, который сжигает всё на своем пути.

В четверг, после пар, я осталась на кафедре. За окном хлестал дождь со снегом — типичная питерская хтонь, размывающая границы миров. В дверь постучали. Коротко, уверенно.

— Войдите.

Максим. Он вошел и сразу повернул защелку замка. Щелчок прозвучал в тишине как выстрел. Он был мокрым от дождя, капли стекали по его серому пальто, но он, казалось, не замечал этого.

— Катарина, — произнес он, намеренно опустив отчество, и в этом было больше дерзости, чем в любом прикосновении.

— Максим, вы забываетесь, — я отложила ручку и подняла на него тяжелый взгляд. — Откройте дверь и выйдите.

— Нет, — он подошел к столу вплотную и поставил передо мной большую коробку, перевязанную темной лентой. — Не сравнивайте меня с теми мальчишками, которые осмеливаются лишь на робкие комплименты или анонимные записки. Я другой. Я вижу, как вы смотрите на этот мир. Вам скучно. В ваших глазах такая усталость, словно вы уже видели всё, что может предложить эта жизнь.

Он наклонился ко мне, опираясь руками о столешницу. От него пахло дорогим парфюмом, дождем и желанием.

— Я хочу удивить вас. Я хочу увидеть в ваших глазах что-то, кроме вечного льда.

Он резко дернул за ленту. Стенки коробки упали.

— *Tacca chantrieri*, — выдохнул он. — «Цветок дьявола». Такой же красивый и пугающий, как вы.

Я взглянула на цветок и непроизвольно вскочила на ноги. Черные лепестки-крылья. Длинные, хищные усы. И запах. Сладкий, гнилостный, дурманящий.

Запах нашей последней ночи. Запах смерти моей любви. Реальность в кабинете пошла трещинами. Глаза Максима, полные страсти, наложились на глаза Виктора. Петербург исчез.

***

Мексика. 1912 год.

Зной. Невыносимый, плавающий мозг. Мы стояли у входа в пещеру. С нами в экспедиции было ещё семеро молодых ассистентов моего мужа. Они были готовы следовать за гениальным ученым повсюду, восхищенные его смелостью, упорством и любовью к науке.

— Посмотри, Эмилия! — Виктор схватил меня за плечи, разворачивая к черному зеву. — Там, внутри. Это же они! Целая плантация!

У входа росли эти проклятые черные цветы. Их запах смешивался с его запахом — мускуса, табака и пота.

— Виктор, не надо, — я прижалась к нему. Мне было страшно, но его близость пьянила. — Индейцы ушли. Они боятся. Давай вернемся в лагерь.

Он посмотрел на меня. В его глазах полыхал пожар. Он притянул меня к себе и жадно поцеловал. Грубо, властно, словно хотел заклеить.

— Нет, моя богиня. Мы возьмем от этой жизни всё. И славу, и эти цветы, и вечность. Ты веришь мне?

— Верю, — выдохнула я, глядя на медальон на его груди. Там, внутри, был мой портрет. Он носил меня у сердца.

— Тогда идем.

Мы вошли в темноту. Он держал меня за руку, его пальцы были горячими и крепкими. Мы прошли метров пятьдесят. Своды пещеры нависли над нами, поражая своим величием. Треск факелов смешивался с нашим тяжелым дыханием и далеким, похожим на шепот, шорохом тысяча крыльев где-то в вышине. Пламя окрашивало стены и потолок в волшебные, завораживающие цвета, играло с нами тенью и светом.

И тогда свод пещеры ожил. Тишину разорвал визг — не птичий, не звериный, а адский, леденящий душу. Тьма зашевелилась, обрушиваясь на нас живой, колючей лавиной. Я не видела “тысяч глаз” — я видела море кровавых точек в кромешной тьме, слышала хруст костей и отчаянные, обрывающиеся крики. Ассистенты побросали факелы и бросились во тьму пещеры. Виктор не побежал. Он заслонил меня собой. Я видела, как первая тварь впиалась ему в шею. Я видела, как его кровь — та самая горячая кровь, которая бурлила страстью минуту назад — брызнула на черный лепесток цветка, росшего на одной из колонн проклятой пещеры.

Он упал, но успел крикнуть:

— Беги!

Тварь рвала его плоть, срывая с груди серебряный медальон. Цепочка лопнула. Мой портрет упал в черную грязь, и капли алой крови, его крови, ударили по моему нарисованному лицу, словно слезы.

— Нет!! — закричала я, бросаясь к нему, но тьма уже поглотила нас обоих.

***

— Катарина! Катарина, что с вами?!

Крик Виктора в моей голове смешался с тревожным голосом Максима. Я открыла глаза, но мир плыл и кружился. Ноги подкосились. Я бы упала, если бы не сильные руки, которые подхватили меня в последний момент.

Максим прижимал меня к себе, не давая упасть. Я чувствовала, как под ладонью, лежавшей на его груди, глухо и часто стучит сердце. Этот ритм был гипнотическим, древним заклинанием. Это была музыка жизни. И сейчас я жаждала ее, как пьяница — вина. Он был такой теплый и живой. В руках этого молодого мужчины я на мгновение вновь почувствовала себя юной девушкой. Его тепло проникало сквозь тонкую ткань моей блузки, согревая ледяную кожу.

— Я сейчас... я вызову врача, — бормотал он, и в его голосе был неподдельный страх. — Вы бледная как полотно. Простите меня. Я идиот. Я не знал, что этот запах...

— Нет, — я с трудом пошевелила губами. — Не надо врача. Просто... воздуха.

Он тут же отодвинул проклятую коробку с «Цветком дьявола» на край стола, подальше от нас, и распахнул форточку. В кабинет ворвался холодный, влажный воздух Петербурга, смешанный с запахом снега. Он немного разбавил сладкий яд воспоминаний.

Максим усадил меня в кресло, но рук не убрал. Он опустился передо мной на корточки, заглядывая в глаза снизу вверх. Теперь в его взгляде не было наглости. Только нежность и беспокойство.

— Катарина, — прошептал он, взяв мои ледяные ладони в свои горячие руки. — Посмотрите на меня. Вы здесь. Вы со мной.

Я смотрела на него и не могла отвести взгляд. Воспоминания и этот ужасный сон сорвали с меня броню. Я была не профессором Ланж. Я была Эмилией, которая только что снова потеряла мужа. И мне так нужно было это тепло. Это живое, человеческое участие, от которого на глазах стали наворачиваться предательские слезы.

— Максим... — выдохнула я. — Зачем вы это делаете?

— Потому что я не могу иначе, — он сжал мои пальцы, поднося их к своим губам. Его дыхание обожгло кожу. — Вы думаете, я просто играю? Думаете, я избалованный мальчишка, который хочет поставить очередную галочку?

Он поднял на меня глаза, полные темной, отчаянной страсти.

— Я схожу с ума от вас. Я вижу, как вы держите всех на расстоянии, словно боитесь обжечься. Или обжечь других. Но я не боюсь. Я хочу быть с вами.

Его слова были так похожи на то, что говорил Виктор. "Мы перевернем мир", "Я не боюсь". Это было дежавю, от которого кружилась голова.

Голод внутри меня шевельнулся. Это был голод одинокой души. На секунду, всего на одну безумную секунду, мне захотелось сдаться. Забыть, кто я. Принять его чувства, позволить этому огню растопить мой вековой лед.

Максим почувствовал мою слабость. Он подался вперед. Его рука коснулась моей щеки, пальцы зарылись в волосы. Я бросила взгляд на его руку: изящные пальцы, словно у пианиста, на запястье красовались часы Patek Philippe с сапфировым стеклом, в которых отражался свет ламп.

— Позвольте мне быть рядом, — шептал он, и его лицо было так близко. — Я никому не дам вас в обиду.

Я закрыла глаза, вдыхая его запах. Жизнь. Страсть. Опасность. Он потянулся к моим губам.

Я должна была оттолкнуть его. Сейчас не время начинать романы. Должна была сломать ему руку, выбросить за дверь, накричать. Но у меня совсем не было сил. Этот день решил известить меня. Я лишь слабо уперлась ладонью ему в грудь, останавливая в миллиметре от поцелуя.

— Ты не понимаешь, о чем просишь, — тихо сказала я. Голос дрожал.

— Пусть так, — выдохнул он. — Позвольте же мне понять вас, узнать вас лучше.

— Нет, — я нашла в себе силы мягко отстраниться и встать. Голова все еще кружилась, но разум прояснился. Я посмотрела на часы, что висели на стене. — Мне нужно домой.

Максим тоже поднялся. Он не стал спорить, не стал давить. Он понял, что переступил черту, но я не прогнала его.

— Я отвезу вас, — твердо сказал он. Это было не предложение, а констатация факта. — Вы едва стоите на ногах. Я не отпущу вас одну в таком состоянии.

Я кивнула. Пусть будет так.

***

Мы ехали молча. Дождь барабанил по крыше его спортивной машины, дворники ритмично смахивали воду, словно отсчитывая секунды жизни.

Он вел машину уверенно, иногда бросая на меня быстрые, обеспокоенные взгляды. Я сидела, откинув голову на сиденье, и смотрела на огни ночного города. Мне было тепло. Впервые за сто лет мне было по-человечески спокойно. Я вспоминала свою семью, наши теплые вечера, наполненные уютом и покоем.

Когда мы подъехали к моему дому, он заглушил мотор, но не спешил открывать двери. В салоне повисла тишина. Напряженная, звенящая.

— Катарина, — он повернулся ко мне. — То, что я сказал там, в кабинете... Это правда. У меня есть к вам чувства. Я буду ждать столько, сколько нужно.

Я посмотрела на него. Красивый. Молодой. Полный жизни. *«Беги от меня, глупый, — хотелось крикнуть мне. — Беги и не оглядывайся. Зачем тебе женщина, не способная встретиться с тобой старость, подарить тебе детей?»*

Вместо этого я протянула руку и коснулась его кисти. Это был жест прощания, но он воспринял его как надежду. Он прижал мою ладонь к своей щеке и закрыл глаза.

— Спокойной ночи, Максим, — прошептала я. — И... спасибо. За то, что не дали мне упасть.

Шаг из машины на холодный асфальт был сделан без оглядки. Но даже спиной ощущалось, как он провожает взглядом каждое движение, пока тяжелая дверь парадной окончательно не скроет меня из виду. В этом безмолвном, обожающем взоре таилось нечто, от чего в душе

стало странно: горько и сладко одновременно. Будто эхо забытой мелодии коснулось струн, которые давно должны были оборваться. Но внезапно, уже на ступенях, меня пронзило острое, беспричинное чувство тревоги.

Я замерла, держась за холодную ручку двери. Улица была пуста. Никого, кроме ветра, гоняющего мокрые листья по асфальту. В темном сквере напротив не было ни души. Но воздух вдруг показался мне тяжелым, густым, наэлектризованным, словно перед сильной грозой.

Почему мне стало так не по себе?

Может быть, это совесть? Или страх, что я позволила себе слишком много?

Я поежилась, хотя холод был мне не страшен. Интуиция, которая спасала меня сотни лет, сейчас шептала, что что-то изменилось. Словно в механизме моей судьбы повернулась невидимая шестеренка, запуская цепь необратимых событий.

Я машинально коснулась кольца с изумрудом на левой руке. Камень, обычно теплый от моей кожи, сейчас показался мне ледяным. Он словно предостерегал меня.

— Нервы, — прошептала я сама себе, пытаюсь унять дрожь в пальцах. — Это просто нервы и усталость.

Я открыла тяжелую дверь и шагнула в темный зев парадной, оставляя за спиной ночной город, Максима и свою минутную слабость. Я еще не знала, что эта тревога была не эхом прошлого, а тихим шагом будущего, которое уже стояло у меня за порогом.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.